

Игорь Шестков "Ночь в квартире мертвого человека"

НОЧЬ В КВАРТИРЕ МЕРТВОГО ЧЕЛОВЕКА

Квартплаты в престижных районах Берлина выросли за последние десять лет на половину. Дорогие, роскошные квартиры подорожали процентов на тридцать, куда же дороже? А дешевые, одно- и двухкомнатные, – в два-три раза!

Несмотря на это подорожание – на каждый показ новой квартиры в Берлине приходят от двадцати до пятидесяти конкурирующих между собой претендентов. Такая неприглядная картинка.

Когда я – в начале нового века – переезжал из Саксонии в Берлин, картинка была другая, мирная, патриархальная...

Я искал себе тогда дешевую двухкомнатную квартиру, по возможности в западной части Берлина, в центре. После почти тринадцати лет жизни на территории бывшей ГДР, хотел стать западноберлинцем и восточную часть города посещать исключительно как турист. Денежный мой лимит был – 310 евро в месяц. Сейчас на эти деньги и комнату в коммуналке не снимешь в центре. А тогда... этого было достаточно для аренды небольшой холостяцкой конуры. Сотни тысяч людей с деньгами со всей Германии и Европы еще не приехали жить и веселиться в город на Шпрее. Западный Берлин еще не был до конца ассимилирован восточным. Но блеск и лоск шестидесятых уже потерял...

...

Искал квартиру я около месяца, листал газеты, просматривал соответствующие страницы мировой паутины, ездил на встречи с маклерами... и в конце концов нашел прекрасную двухкомнатную квартиру в Вестфальском квартале, недалеко от снесенной в пятидесятые годы синагоги, с лоджией, в хорошем состоянии, с встроенной кухней... За 300 евро в месяц. Въехал в нее и жил в ней около года, написал там свои первые рассказы, вошедшие позже в книжечку «Меланхолия застоя».

Целыми днями гулял по западному Берлину, заходил в художественные галереи

и музеи, фотографировал... пил кофе на Курфюрстердаме...

Знакомств к сожалению не приобрел... они с неба не падают... А делать тут то, что я тринадцать лет делал в Саксонии, то есть углубляться в берлинскую культурную жизнь, сверлить и бурить, постоянно предлагать себя, критиковать, провоцировать и лезть во все художественные драки, с единственной целью обратить на себя внимание, мне не хотелось. Сил на всю эту суету уже не было. Да и желания тоже.

...

Квартира моя была не без недостатков.

Моя соседка – а мою гостиную от ее отделяла только одна, не несущая стена – безработная беженка из Чечни, каждый день часов по двенадцать смотрела телевизор... и громкость устанавливала такую, чтобы слышать чертов ящик в любом углу своей квартиры, которую она постоянно пылесосила, чистила и блистила...

Ночью она спала.

Но по ночам – на обитаемой крыше соседнего дома темпераментные студенты из Латинской Америки устраивали нелегальные танцы... обычно до восхода Солнца. Музыка играла очень громко, спать было невозможно...

Я чувствовал себя так, как будто я нахожусь в фокусе гигантской акустической линзы. Потихоньку сходил с ума и бесился.

Хладнокровно вызывал полицию... лукавые латиносы однако быстро нашли противоядие. Один из них всегда стоял на стрёме – и как только замечал подъезжающую полицейскую машину, звонил по мобильному телефону своим друзьям, которые тут же выключали свои мощные динамики... и прятались, как мыши от змеи. В нашем огромном дворе воцарялась блаженная тишина.

Длилась она обычно около пяти минут. Когда полиция уезжала, динамики включали еще громче, чем до ее появления... видимо молодежь желала отомстить жалобщикам, показать им, кто настоящий хозяин нового мира... ночи и тишины...

Любопытно, звонил в полицию только я, мои соседи по дому полицию не тревожили. Немцы – народ терпеливый, спокойный. А я – нервный.

После десятого моего звонка – полицейские приезжать перестали, а мне

пригрозили завести на меня дело... за ложные сообщения о шуме. Мои рассказы о нехитром трюке латиносов берлинскую полицию не убеждали... возможно потому, что по моему акценту они сразу и безошибочно узнавали во мне бывшего жителя СССР, а таковых немецкая полиция не только не жалует, но и ставит в своей неписанной иерархии куда ниже латиноамериканцев. Может быть и заслуженно. Короче, пришлось мне мою чудесную квартиру оставить и переехать в тихий и мещанский восточно-берлинский Кёпеник. Да-да, туда где так много прекрасных озер и где когда-то произошла милая история со знаменитым «Капитаном».

...

Ночное происшествие, о котором я хочу рассказать, произошло как раз в то время, когда я, измученный вынужденной бессоницей, подыскивал себе новую, по возможности тихую, жилплощадь в Берлине.

Нашел вроде бы подходящую квартиру на сайте одной берлинской фирмы по продаже недвижимости. На Кауерштрассе. Жил такой господин, Кауер, мечтавший воспитывать немецких подростков времен Пушкина в национально-патриотическом духе.

Фирма обращалась к потенциальным покупателям так: «Если вы не хотите сразу покупать нашу квартиру, то арендуйте ее на три года. Даем гарантию, у нас вам очень понравится».

Позвонил по указанному в объявлении телефону. И на следующий день встретился с маклером, который, как я предполагал, поедет со мной в Шарлоттенбург и покажет мне двухкомнатную квартиру на четвертом этаже в доме на Кауерштрассе. Маклер, молодой человек, одетый не без претензии на роскошь (остроносые ботинки, длинное темное пальто, белый шарф), оглядел меня критически с ног до головы... особенно долго осматривал мою, тогда еще не сбритую рыжую бороду, и заявил, почему-то усмехаясь, что полностью мне доверяет... Вручил два ключа (от подъезда и от квартиры) и добавил, что я могу сам туда съездить, когда захочу, но через четыре дня он хотел бы или получить ключи назад, или подписать со мной договор об аренде квартиры на три года. О задатке он почему-то и не заговаривал.

Меня это устраивало... потому что я, наученный горьким опытом, хотел бы

проверить, тихо ли там, на новом месте... поздним вечером и ночью. Сделать это можно было только «явочным порядком».

...

Я поблагодарил белый шарф за доверие, взял ключи и поехал домой.

А вечером, прихватив с собой надувной матрас, белье, одеяло и термос с кофе, пошел пешком на эту самую улицу, Кауерштрассе, благо идти было от меня всего-то двадцать минут. Хотел переночевать в новой квартире и утром решить, подходит ли она мне.

Пришел.

Нашел искомый шестиэтажный дом, номер уже не помню. Крысино-серое здание. Жутковатое. Единственное неотремонтированное на этой улице. Честное слово, новенькая, облицованная голубоватым кафелем, блочная девятиэтажка в московском Ясенево, в которой я получил в 1978-м году свою первую квартиру, показалась бы рядом с этим мрачным архитектурным уродом – виллой в Голливуде. Говорил мне один старый знакомый, проживший в Западной Европе лет тридцать: Великим счастьем для тебя будет, если ты на Западе сможешь сохранить уровень твоей московской жизни. Гляди, пропадешь... утонешь как глупая лошадь в болоте. Тут ты все еще король, а там будешь парией.

...

Вошел в подъезд.

Ну и амбре!

Воняло там... сильно воняло... но не кошачьими и человеческими мочой и экскрементами, как воняют подъезды на моей оставленной родине, а давно не стираным бельем и протухшей пищей.

Безработные эмигранты – народ не гордый... решил стерпеть, если квартира подходящая.

Поднялся на четвертый этаж... вот и дверь... замок. Так... когда-то его вырезали из двери пилой... нехорошо. Удара плечом наверняка не выдержит.

Вошел. Закрыв за собой дверь.

И внутри тоже воняло. Но как-то иначе. Еще гаже.

Обошел квартиру.

Первым делом заглянул в туалет. Толчок грязный. Вычистим. Ванна такая, как

будто в ней много лет купали слонов. Источник вони – явно не тут, уже хорошо. Кухня маленькая. Кухонная мебель – оригинальная, шестидесятых годов двадцатого века. Впитавшая в себя все запахи готовящейся тут полстолетия стряпни. Лоснящаяся от испарений и жиров... И тут, если денек поскоблить и подраить, сменить линолеум и покрасить стены, можно будет готовить и есть. Воняет не то, чтобы очень...

Две комнаты.

Маленькая – выходит окном на Кауерштрассе, по которой и сейчас, в одиннадцать вечера бегут непрерывным потоком ревущие автомобили. В синеватых облачках выхлопных газов. Тут можно будет сделать, после косметического ремонта, компьютерный кабинет. Поставить два стола от Икеа, крутящееся кресло. Работе городской шум не мешает. А проветривать буду по ночам.

Большая комната с балконом!

Сразу понял, источник вони – тут. Линолеум в углу – угольно черный и с багровыми разводами. Даже силуэт лежащего человека виден. Неправильный какой-то.

Вышел на балкон. Луна светит. Воздух чистый. Благодать. Тишину нарушает только гул большого города. Как будто из под земли доносится шум огромных работающих машин, как в фильме «Метрополис». Но ни телевизора от соседей не слышно, ни музыки с танцулек.

То, что надо!

Погодите, а что это там, внизу? Похоже на надгробья. Ага, кладбище.

Небольшое. Гектар или два. Ну что же... мертвые хотя бы не танцуют по ночам и не пылесосят с утра до вечера.

Решил переночевать в большой комнате... в лунном свете...

Освещения не было, лампу я с собой принести не догадался, даже фонарик не взял, придется сидеть в темноте...

Разложил матрас подальше от темного угла с разводами. Постелил. Глотнул кофе...

Забылся.

...

Прежде чем продолжить рассказ, должен сделать небольшое отступление.

Посмотрел я недавно один фильм ужасов, с Джоном Кьюсаком в главной роли, по сценарию Стивена Кинга. Хороший фильм, можно даже до конца досмотреть. Главный герой – как это часто бывает у Кинга – терзаемый нечистой совестью, ищет сюжеты для книги о «потусторонних явлениях»... посещает отели, в которых якобы водятся привидения... Не без труда снимает пользующийся дурной славой номер 1408 нью-йоркского отеля «Дельфин». Дерзко призывает там злых духов... которые не заставляют себя ждать.

Из ниоткуда появляется съеденная несколько минут назад шоколадка, радио начинает зловещий обратный отсчет минут, краны в ванной ошпаривают героя кипятком, оконные рамы ни с того ни с сего падают, картины оживают, по вентиляционной шахте ползает труп... на героя нападает тетка с молотком, телевизор показывает тягостные для него сцены семейной жизни, героя терзает громкий детский плач, перерастающий в рев ада, из трещин на стенах номера струится кровь, мертвецы выбрасываются в окошко, комната превращается то в жаркий, то в ледяной ад, то в водяную пучину... кажется нет ни одного клише, не используемого Кингом для запугивания несчастного писателя и услаждения торжествующей, хрустящей попкорном публики...

Грехи главного героя материализуются. Умершая дочь к нему приходит, потому что он винит себя в ее смерти... дочь стонет, плачет, мучает отца, и мать, и зрителей... брошенный героем-эгоистом в доме для престарелых отец является ему, чтобы его укорять... оставленная жена...

Так вот, хочу предупредить читателей, все еще ожидающих от моего рассказа нечто подобное. Не дожидетесь! Так что можете с легким сердцем прервать чтение! Займитесь чем-нибудь приятным. Цветочки понюхайте. Полистайте рыболовный журнал. Спланируйте путешествие в Гонолулу... Я не Стивен Кинг. Не умею фантазировать. О развлекательной стороне моей литературной продукции не думаю вовсе. Описываю только то, что сам видел и пережил.

...

Ну вот... лежу я на надувном матрасе в пустой комнате, смотрю на Луну сквозь балконную дверь, слушаю шорохи и представляю, как я тут буду спать на своей софе.

Место неплохое... до Цоо и Кудама – рукой подать, театры, квартплата приемлемая... Западный Берлин... вроде тихо... только воняет тут, в этой комнате, как-то особенно... изуверски мерзко.

Принюхался еще раз... и вспомнил, что так пахнет. Не похороненные мертвецы. Наконец-то до меня дошло, почему элегантный маклер сюда и заходить не захотел... брезговал, сволочь, а меня послал осматривать квартиру.

Позже прочитал где-то, что ТАК квартира воняет, только если в ней кто-то умер и долго лежал и разлагался. Полгода или дольше. Тогда насквозь прованивают и стены, и пол, и потолок... и запах этот невозможно уничтожить никакими ремонтами.

Стал гадать – был мертвец мужчиной или женщиной.

Мужчиной. Потому что к трупному запаху тут примешивался еще и табачный. Табак он покупал дешевый, гадкий... Женщина такой курить не будет.

Значит, жил-был какой-то немец. Может быть, бывший солдат Вермахта. После войны водитель автобуса. Или крановщик. Технолог с фабрики Сименс. Или зазывала из публичного дома на Кудама...

Вышел на пенсию. Весь день сидел дома, курил, смотрел футбол и пил пиво. Одиноким, старым и никому не нужным. Потом ослеп. Умер. Может быть, упал, сломал бедро или позвоночник и так не смог позвонить в скорую. Так и лежал, скрючившись.

А единственный его сын ему никогда не звонил, никогда его не навещал (ага, вот и «брошенный отец», никуда не убежать от Стивена Кинга). Потому что папаша его только орал на него, избивал мать, пьянствовал и гулял на стороне. Соседи к нему не заходили, они и сами были такими же как он никому не нужными стариками и старухами.

И труп лежал и лежал. В жутком черном углу этой самой комнаты.

Крысы его грызли. Кровь растекалась в разные стороны. Отсюда и багровые разводы.

Пенсию мертвецу переводили на счет в банке автоматически. Автоматически и снимали с его счета квартплату и прочие платежи. Через полгода запах у входной двери стал невыносимым, соседи в полицию позвонили. Полиция выпилила замок, открыла дверь и обнаружила труп. Тело забрали и сожгли.

Мебель и прочее барахло поскорее выкинули...

Проводить дорогостоящий ремонт фирма-владелец квартиры не захотела.

Решили пустить сюда жить какого-нибудь бедного жильца, который бы сам отремонтировал помещение... авось запах потихоньку и выветрится... Тогда можно будет и квартплату поднять... «Даем гарантию, жить у нас вам очень понравится»...

Опять попал в ловушку. Сколько уже их было тут, на прекрасном Западе. Не хочу перечислять. Глупая лошадь.

Решил уйти домой прямо сейчас. Ночью.

Но все ворочался на матрасе... никак не мог заставить себя встать... и убраться отсюда. Хотя и воняло нестерпимо и даже начало казаться, что чертов мертвец все еще лежит там, в темном углу. Как черный мешок.

Даже глухие его стоны услышал.

Сейчас он встанет и похромает ко мне... роняя на нечистый пол свои внутренности...

На голове его шлем с огненно-красным гребешком... в левой руке меч.

...

Как раз тогда, когда я решительно скинул с себя одеяло... ко мне постучали.

Нет, не во входную дверь... а в балконную.

В обманчивом лунном свете я разглядел фигуру человека.

Кто это? Вор?

Вор стучать не будет, а разобьет стекло и влезет. Значит, не вор.

А может быть, все-таки вор, проверяет, есть ли кто дома...

Привидение, мертвец, вампир, оборотень или еще какой-нибудь выходец с того света?

Не верю в привидения. Да и зачем духу стучать – он же может войти и сквозь стену.

Встал, завернулся одеялом и, стараясь не смотреть в темный угол, которого боялся куда больше балконного посетителя, подошел к двери...

На балконе стояла бомжиха. Грязная, страшная, в отвратительной одежде...

Старая или молодая – не разобрал.

Как она забралась на балкон четвертого этажа? Забралась. И барабанила в

стекло. Настойчиво, но не очень громко.

Что мне было делать? В полицию звонить не хотелось.

Открыл балконную дверь.

Женщина, ни слова не говоря, проскользнула в квартиру... как собака или лисица...

И тут же кинулась в туалет.

А я сел, как был, в одеяле, обратно на матрас. Не удержался, посмотрел в темный угол. Никого там не было... только багровые разводы на почерневшем линолеуме, казавшиеся в лунном свете перламутровыми.

...

Я слышал, как она мылась... потом стирала белье. Минут через сорок вышла... в ужасной черной куртке на голое тело. Босая. Постиранное белье развесила, как могла – в туалете и на дверях.

Села рядом со мной... спросила хриплым, низким голосом:

– Ты кто?

Я назвал себя.

– Сигареты есть?

– Нет.

– Мартин где?

– Он что, тут жил?

– Жил. Где мебель, вещи?

– Не знаю. Выбросили, наверное. Я – новый жилец. А ты кто?

– Я Магда.

– Ты бездомная?

– Да, но прописана – тут.

– Мне маклер сказал, квартира сдается.

– Пусть твой маклер сам себя в жопу...

– Как ты влезла на четвертый этаж? Почему снизу не позвонила? Я бы открыл.

– Я звонила, звонок не работает. Пожрать у тебя есть что?

– Ничего нет. Кофе есть горячий. Сладкий. На, пей.

Магда жадно выпила мой кофе. Я наконец разглядел ее лицо. Худое как смерть.

Страшное, измученное, злое лицо. Наверное колется. А чтобы деньги заработать

– проституирует.

– Хочешь палку кинуть? Дай двадцатку и вперед. В любую дырку.

– Нет, не хочу. А двадцатку дам тебе и так.

– Богатый?

– Нет, мне тебя жалко.

– Трахни меня, я чистая. Я не привыкла принимать подарки... У меня есть для тебя сюрприз... любишь сюрпризы?

Магда взяла мою руку и резко сунула ее себе в промежность. Я руку отдернул, но успел почувствовать там то, что там никак не должно было быть.

Магда громко захохотала...

Сбросила с себя куртку...

В следующее мгновение я пожалел, что впустил ее в квартиру.

Голая Магда заревела как гиена, кинулась на меня... несколько раз ударила сухоньким кулаком по лицу... начала душить. Острые как стекло ногти впились мне в горло.

Я был в шоке. Зачем она... он... делает это? Зачем? Я впустил ее в квартиру...

Только когда я испытал страшный приступ удушья... во мне проснулись сила и желание защищаться. С огромным трудом я отодрал ее худые, крепкие, как стальные клещи, руки от моего горла, не позволил ей вцепиться когтями мне в глаза, в нос, в уши.

Мы колотили друг друга кулаками, локтями, коленями. Мне казалось, в драке участвует кто-то еще... третий... Мартин?

Сцепились в бьющийся комок...

После пяти минут отчаянного боя, мне удалось наконец завернуть ей руки за спину, а потом и закрутить ее в куртку. Трудно было удерживать озверелую чертовку и одновременно раздирать на полосы мою майку. Но я осилил и это. Связал гадину.

А в рот ее вставил кляп.

Самое время было звонить в полицию. Не позвонил. Впал в прострацию и просидел, ничего не делая, минут тридцать.

Магда затихла, закрыла глаза. Заснула?

Попробовал с ней поговорить. Вынул у нее изо рта кляп.

– Какого черта ты на меня напала?

– Пососи, козел вонючий.

– Если кто тут и вонючий, так это ты и твой мертвый сожитель. Которого ты оставила тут протухать.

– Пососи... дерьмо собачье, русская свинья.

Магда набрала в рот побольше слюны и плюнула мне под ноги.

Мне захотелось сделать ей больно. Очень больно.

Мое, обычно довлеющее себе, нравственное чувство отступило в доисторическую, магическую тьму...

Я слышал безумные крики шамана... видел танцующие на стенах тени...

Необоримое, острое как бритва плотское желание превратило меня в зверя.

Я опять засунул ей в рот кляп. Затем широко расставил ей ноги и привязал их к батарее парового отопления. Когда я все это проделывал, бомжиха бешено ляглась и мычала.

...

Руки ее были круто завернуты за спину. Бедра раздвинуты. Она была в моей власти.

Я рассмотрел ее тело. Худое, жилистое, крепкое. У Магды были широкие плечи, узкие бедра, небольшая женская грудь со смуглыми острыми сосками. Член, как у мальчика лет двенадцати, а под ним, вместо яичек – вульва взрослой женщины. Лет ей было около сорока... кожа на руках не была исколота.

Странное существо. Гермафродит. До этого видел такое только на картинках.

Вынул из брюк узорчатый ремень... и начал ее хлестать...

Сколько времени я это делал – не знаю. Законы человеческого общежития не имели для меня больше никакого значения. Я был от наслаждения.

Вокруг меня плясал хоровод бомжей... они трясли бубнами и размахивали как дубинами колоссальными фаллосами. За бомжами шли живыми дергающимися в такт рядами бесчисленные солдаты... ехали неуклюжие грузовики, тащившие на прицепах тяжелые толстые ракеты... тысячи прожекторов буравили пахнущее гарью небо. Уродливый кобольд с безумным лицом кричал в микрофон: Хотите ли вы тотальной войны?

В какой-то момент, я осознал, что лежу на своей пленнице, насилую ее, кусаю ей губы и пью ее кровь.

Встал, оделся, завернул в окровавленную простыню ее подозрительно маленький, не больше детской куклы, труп, вынес его из квартиры... и бросил в Ландверканал.

Вернулся в квартиру на Кауерштрассе и лег спать на матрас. Никто в ту ночь больше меня не беспокоил.

...

Проснулся с чудовищной головной болью.

И с ужасным чувством непоправимости содеянного.

Приготовился идти в полицию, хотел учинить явку с повинной, как

Раскольников. Попрощался со сладкой европейской жизнью.

И только когда, после долгих стараний, так и не нашел в квартире никаких следов пребывания тут Магды, догадался, что все это было сновидением, кошмаром, порожденным ужасным запахом.

Когда отдавал ключи маклеру, посоветовал ему найти для этой квартиры жильца-некрофила.

Прочитал новый рассказ "Ночь в квартире мертвого человека". Можете найти его на ютубе.

Это не вегетарианский текст.

Вообще-то я хотел написать о протрации, в которую погрузились сейчас слишком многие. И о непохороненных мертвецах - сталинизме, фашизме - которые вот-вот окончательно оживут - и в обществе и в душах... О тягостном ожидании новой мировой бойни... Но темы эти слишком широкие, абстрактные... поэтому написал о поиске новой квартиры... вспомнил о жутковатом реальном происшествии, которого не было...

Свалить зло на других - постеснялся, поэтому пришлось свалить зло на моего лирического героя. Он выдюжит.

